

да община не может, как прежде, контролировать семью. Она не обеспечивает экономическое благосостояние своих членов, чему раньше способствовал труд в колхозах. Сейчас происходит конкуренция на открытом глобальном рынке. Большие изменения происходят и на брачном рынке. Брак перестает быть способом политической торговли внутри сельского общества. Девушки получают возможность посредством брака выехать за пределы села, а городские юноши (выходцы из того же села) — жениться на «своей», избежав тем самым конкуренции на брачном рынке. При этом женщины получают новые возможности для социализации, для обретения экономической независимости.

Д. С. Соколов отметил также увеличение исламской составляющей во взаимоотношениях между людьми разных полов и поколений. По его мнению, для старшего поколения ислам являлся средством перевода сложившихся при советской власти реалий на понятный им язык. Второе поколение использует ислам для легитимации своих действий. В частности, многоженство раньше объяснялось логически: якобы мужчин после войны не хватало и женщины были согласны на то, чтобы быть замужем даже в качестве второй жены. Сегодня же многоженство интерпретируется как разрешение Всевышнего, не подлежащее обсуждению. Что же касается т. н. убийств чести, то они осуждаются исламом и поэтому недопустимы, с точки зрения практикующих мусульман. В то же время в кругах, где руководствуются понятиями, близкими к криминальным, «убийства чести» считаются важным признаком обладания властью, силой.

По завершении доклада состоялась оживленная дискуссия. В частности, участниками семинара был поднят вопрос о преобладающем в местах проживания выходцев с Кавказа виде социализации, этническом или религиозном. В качестве примера Д. С. Соколов привел Сургут, где существуют оформленные этнические общины — ногайская, кумыкская, лезгинская, однако сильно и влияние салафитов.

Был также затронут вопрос о связи сословного деления и приверженности различным течениям ислама. Докладчик считает, что связи между бытующим в некоторых сообществах Дагестана расслоением на «высшие» (уздены) и «низшие» (казаки) сословия с привлекательностью салафитского ислама именно для «низших» не существует. Суфийский ислам также не поддерживает сословность. Просто получилось так, что Духовное управление мусульман Дагестана вписалось в местную управленческую структуру, участвуя в формировании местных элит. Соответственно, именно салафитский ислам становится идеологией протеста.

На семинаре 13 сентября был представлен сборник статей «Кавказские локальные сообщества в глобальном мире: опыт изучения политической, социальной и религиозной трансформации». Он адресован всем, кто интересуется социально-экономическим развитием Северного Кавказа. В книге опубликованы статьи девяти российских ученых. В частности, в сборнике помещена статья А. А. Ярлыкапова «Исламское государство» и турбулентность на Ближнем Востоке: вызовы для России³.

* * *

20 октября в МГИМО прошло 22-е заседание семинара, на котором с докладом «Границы Кавказа» выступил доктор географических наук, профессор, старший научный сотрудник Института географии РАН, научный руководитель Северокавказской высшей школы конфликтологии Алексей Николаевич Гуня.

Доклад был посвящен междисциплинарной по своему характеру проблеме — существованию разнообразных видов границ на Кавказе: историко-географических, физико-географических, эколого-географических, политико-географических. Коснувшись вопросов методологии, докладчик выделил два возможных подхода к исследованию этой темы — примордиалистский и конструктивистский. Первый подход, например, ставит вопрос включения территории проживания лазов и талышей в Кавказ, следовательно, включения значительной части территории Турции и Ирана в этот регион. Если следовать этому подходу, Турция и Иран превращаются в полноценные кавказские государства. Конструктивизм же, по мнению докладчика, предполагает понимание региона как социального конструкта. А. Н. Гуня определил перспективу сравнительного анализа двух в определенной степени схожих географических регионов — Альп и Кавказа. Схожесть эта связана не только с рельефом, но и, например, с этническим многообразием. Сравнительно с кавказским регионом проблема конструирования альпийского регио-

³ Ярлыкапов А. А. «Исламское государство» и турбулентность на Ближнем Востоке: вызовы для России // Кавказские локальные сообщества в глобальном мире: опыт изучения политической, социальной и религиозной трансформации. — М.: СПб., 2017. С. 22–43.

на неплохо исследована, что дает возможность трансфера знаний, а также заимствования уже разработанных исследовательских методик. Тем не менее, по мнению докладчика, пока не удалось создать то инструментальное пространство, где могут сотрудничать самые разные группы.

Для исследования проблемы существования и трансформации различного рода границ на Кавказе докладчик предложил использовать такие аналитические термины, как *scale* (*scaling*, *re-scaling*) и *frame* (*framing*, *re-framing*). В первом случае речь шла о влиянии на проведение географических границ интересов крупных акторов международных отношений. Так, активная политика ЕС и США в 1990–2000-х гг. в отношении таких новых государств, как Азербайджан, Армения и Грузия, в плане конструирования географических границ привела к замене термина Закавказье на Южный Кавказ. И этот термин фактически подменил собой понятие «Кавказ». Что же касается Северного Кавказа, то он, как часть Российской Федерации, оказался географически выведен за пределы Кавказа. Докладчик обратил внимание на российские попытки утвердить свою модель регионализации Кавказа, естественно, включающей российский Северный Кавказ.

Другой аналитический термин — *frame* (*framing*, *re-framing*) — позволяет отследить выделение или обрамление географических границ по тому или иному заданному критерию, основанию: природному, хозяйственному и др. Профессор А. Н. Гуня обратил внимание на взаимодействие обозначавшихся в разные исторические периоды географических границ Кавказа с возникшим среди элит Азербайджана, Армении и Грузии дискурсом «Кавказ — это Европа».

Отдельно докладчик остановился на проблеме соотношения внешних и внутренних границ региона. В частности, в докладе была сделана попытка ответить на вопрос, почему советские административные границы между республиками оказались устойчивыми и сохранились уже в роли государственных границ в постсоветский период? По мнению докладчика, это произошло в процессе *re-scaling*, то есть влияния внешнеполитических игроков, для которых эти границы оказались выгодными, соответствующими их интересам. В то же время эти границы подвержены трансформации также благодаря влиянию крупных международных игроков.

Подводя итоги, докладчик констатировал, что специфика Кавказа — в том, что он характеризуется множеством границ различного ранга и типа. И внешние, и внутренние границы подвергаются ревизии и трансформации благодаря активности старых и новых акторов.

Состоялась оживленная дискуссия, в которой приняли участие сотрудники МГИМО, МГУ им. М. В. Ломоносова, ИМЭМО РАН, Института востоковедения РАН, Института этнологии и антропологии РАН, других московских научных центров.

* * *

8 ноября 2017 г. в МГИМО состоялось 23-е заседание семинара. Оно было посвящено обсуждению истории Кавказа в период революции 1917 г., ее последствий для региона.

С первым докладом «Закавказье в революционный год» выступил старший научный сотрудник Центра проблем Кавказа и региональной безопасности ИМИ Вадим Михайлович Муханов. Докладчик рассмотрел военно-политическую ситуацию, сложившуюся в регионе в начале 1917 г., осветил вопросы о том, как в Закавказском крае было встречено известие о Февральской революции, как шло взаимодействие с Временным правительством, каковы были реакции на октябрьские события в Петрограде. В. М. Муханов описал и процесс становления национальных сил в регионе, в первую очередь грузинских. Докладчик подробно рассмотрел борьбу за власть в Закавказье, начавшуюся в середине 1917 г. и продолжавшуюся вплоть до объявления независимости Грузии, Армении и Азербайджана в мае 1918 г.⁴

Второй доклад — «Революция 1917 г. и Северный Кавказ (на примере Чечни и Дагестана)» — сделал соискатель Института российской истории РАН Сергей Борисович Манышев.

По итогам выступлений докладчиков состоялась оживленная дискуссия, в которой приняли участие сотрудники МГИМО, МГУ им. М. В. Ломоносова, ИМЭМО РАН, Института востоковедения РАН, Института российской истории РАН, Института этнологии и антропологии РАН, других московских научных центров.

⁴ На базе этого доклада в конце 2017 г. выпущена книга: Муханов В. М. Кавказ в революционную пору... К истории Закавказья в 1917 — первой половине 1918 гг. — М., 2017.

* * *

20 ноября 2017 г. в МГИМО состоялось 24-е заседание семинара, на котором с основным докладом «Россия как фактор внутренней политики Грузии (2003–2017 гг.)» выступил докторант Тбилисского государственного университета им. И. Джавахишвили, директор Центра системных политических исследований (Тбилиси) Арчил Сихарулидзе.

Его выступление было посвящено влиянию российского фактора на внутривнутриполитические процессы в Грузии в период 2003–2017 гг. По мнению докладчика, «российский фактор» во внутренней политике Грузии сложился под влиянием, с одной стороны, неудачной попытки российско-грузинской «перезагрузки» в 2003–2004 гг., а с другой — выбранным президентом Михаилом Саакашвили политическим курсом «нулевой толерантности». А. Сихарулидзе детально рассмотрел существующие в российском и грузинском политологических сообществах точки зрения на причины провала российско-грузинской «перезагрузки». В результате анализа различных точек зрения докладчик пришел к выводу, что одной из главных причин неудачи явилась невозможность сторон достигнуть взаимопонимания по вопросам безопасности. Окончательный провал «перезагрузки» и дальнейшее обострение российско-грузинских отношений совпали с началом проведения с 2006 г. политического курса «нулевой толерантности». Докладчик особо подчеркнул, что данный принцип затрагивал все сферы внутренней и внешней политики Грузии.

Во внутренней политике проведение в жизнь данного принципа выразилось в арестах и даже убийствах всех выражающих каким-либо образом несогласие с президентом. Итогом этой политики стали события 7 ноября 2007 г., когда силами полиции и спецназа был жестоко разогнан мирный митинг, а также последовавшие затем закрытие телеканала «Имеди», введение комендантского часа и назначение новых президентских выборов. Во внешней политике принцип «нулевой толерантности» привел к военно-политической авантюре в августе 2008 г., а затем к такому феномену в политико-идеологической сфере, как «секьюритизация» России (процесс, в котором определенный объект представляется как проблема безопасности). А. Сихарулидзе представил значительное количество фактов, характеризующих данный феномен. По его мнению, после прихода в 2012 г. к власти в Грузии коалиции «Грузинская мечта», а также потепления российско-грузинских отношений (женевские встречи, диалог Абашидзе — Карасин) тенденция к «секьюритизации» России не ушла из внутривнутриполитической жизни Грузии.

По итогам доклада А. Сихарулидзе состоялась оживленная дискуссия, в которой приняли участие сотрудники МГИМО, МГУ им. М. В. Ломоносова, ИМЭМО РАН, Института востоковедения РАН, Института этнологии и антропологии РАН, других московских научных центров.

* * *

19 декабря в МГИМО состоялось 25-е заседание семинара. С основным докладом «Классик отечественного кавказоведения (к 180-летию со дня рождения Н. Ф. Дубровина)» выступил профессор кафедры истории внешней политики и международных отношений МГИМО, директор Центра проблем Кавказа и региональной безопасности ИМИ Владимир Владимирович Дегоев.

Докладчик подчеркнул, что у Николая Федоровича Дубровина — свое, особое место в отечественной историографии. Научное творчество Дубровина, при всем его сюжетном разнообразии, было сосредоточено на одном предмете — процессе долгого и трудного строительства Российской империи. «Все это нашло прямое отражение в выборе объектов исследования: Польша, Крым и Северное Причерноморье, Бессарабия, Кавказ, Центральная Азия. (Ход присоединения и завоевания двух последних регионов Дубровин имел возможность изучать не только как историк, но и как современник). Эти территории, добытые в разное время и разными способами, послужили необходимым, в ряде случаев жизненно важным пополнением имперских ресурсов России — геополитических, военных, экономических, социально-демографических, культурных». По оценке В. В. Дегоева, «Дубровин исследовал этот процесс так, как требовала логика — через глубокое изучение войн, одного из главнейших средств утверждения и защиты империи. Он, однако, прекрасно сознавал и другое: государственные образования подобного типа не могут долго держаться на голой силе. Поэтому в работах Дубровина столь пристальное внимание уделено политическому и дипломатическому содержанию войн, а в случае с Кавказом — как бы неожиданно это ни звучало для кое кого — еще и социально-культурному компоненту, позволяющему вникнуть в сложную диалектику межкультурного соприкосновения. Великодержавная гордость у Дубровина, как и у его идейных единомышленников,

находила продолжение в обостренном восприятии внешних и внутренних угроз самому существованию Российской империи. Отсюда его повышенный интерес к оборонительным войнам России — Отечественной (1812 г.) и Крымской (1853—1856 гг.). Они показали, что мощь и величие государства могут быть преходящими категориями, не гарантирующими полной неуязвимости и безопасности». Докладчик также отметил, что «вдумчивый читатель трудов Дубровина найдет в них очень полезные исторические уроки и предостережения. К сожалению, эта сторона творчества ученого не всегда была востребована властями предрекающими. Возможно, отчасти поэтому в начале XX в. Петербург наступил почти на те же грабли, что и в 1853 г.».

В. В. Дегоев особо подчеркнул, что судьба Н. Ф. Дубровина не типична: «Для современников Николай Федорович тоже был “г-ном Дубровиным”, добротнo занимавшимся своим делом, человеком на своем месте. Его вклад в науку вполне сопоставим с тем, что сделал Сергей Михайлович Соловьев. Фундаментальные труды Дубровина давно следовало бы издать в виде академического собрания, как это произошло с сочинениями Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева, В. О. Ключевского и других, причем в советское время», чего не случилось по причине того, что «уж слишком много он писал о Кавказе. Писал не как “очарованный странник” с буйным романтическим воображением, а как историк, который не отводил взгляда от беспощадных документов».

Профессор Дегоев настаивает на том, что даже если бы Дубровин не написал ничего, кроме «Истории войны и владычества русских на Кавказе», он все равно обеспечил бы себе статус классика отечественной историографии. Ни до, ни после него никто не решался на создание столь монументального произведения (6 томов общим объемом около 4 тысяч страниц). Докладчик особо подчеркнул, что «История...» Дубровина — это первый обобщающий труд по указанной теме, основанный на таком значительном количестве источников, одному лишь обзору которых историк посвятил целую книгу в 400 страниц (том 1, книга 3). Дубровин детально прослеживает процесс проникновения и утверждения России на Кавказе, начиная с 1780-х гг. и заканчивая 1820-ми гг. — временем окончательного международно-правового оформления российского присутствия в этом крае. В том, что война составляла лишь часть (и не всегда главную) данного процесса, легко убеждаешься по мере чтения «Истории». Как явствует из данного труда, диапазон применения политических и дипломатических средств был широк и менялся под влиянием конкретной ситуации. Что же касается войск, то до поры до времени их посылали на Кавказ в незначительном количестве и весьма неохотно. Петербург, во избежание внутрикавказских и международных осложнений, предпочитал соблюдать осторожность, если не было острой нужды в более решительных действиях.

В. В. Дегоев отметил, что вопреки распространенному, особенно в зарубежной историографии, мнению о последовательном военно-экспансионистском характере политики России на Кавказе, Дубровин фактически говорит о том, что она зачастую являлась не столько воплощением какого-то цельного, унаследованного в веках стратегического замысла, сколько ситуативным ответом на обстоятельства, игнорировать которые становилось опасным. В подтверждение историк ссылается на отсутствие в правящих кругах Петербурга единства мнений о целесообразности и масштабах присутствия России в Закавказье: «Отсюда амплитуда колебаний русской военной активности в регионе во второй половине XVIII в. Отсюда же сложность и длительность процедур принятия основополагающих правительственных решений относительно Кавказа. Тот или иной исход этих процедур вовсе не был гарантирован, что свидетельствует о состязательном характере высокосановных обсуждений и, по крайней мере, о теоретическом наличии альтернативных вариантов в российской политике на южном направлении». Докладчик подчеркнул, что к концу XVIII в. поле этих альтернатив, как убеждает Дубровин, стремительно сужалось под воздействием резко обострявшейся международной обстановки на Кавказе и вокруг него: «Именно она вынуждает сначала Павла I, а затем Александра I — не самых больших поклонников идеи присоединения Грузии и Закавказья к России — взять на себя ответственность за историческую судьбу народов, которым грозило исчезновение не только с политической карты, но и с лица Земли вообще».

По оценке В. В. Дегоева, «трудный путь российских императоров к такому решению, принимавший все больше сходства с узкой и единственной тропинкой в горах, Дубровин проследил с присущим ему мастерством. С не меньшей проницательностью историк раскрывает жесткую геополитическую логику в поведении Петербурга уже после того, как Рубикон, в данном случае в виде Кавказского хребта, был перейден. Теперь продвижение на запад, восток и юг от присоединенной в 1801 г. Картлии-Кахетии для России — не вопрос свободного выбора, а неотвратимая

необходимость, связанная с поиском политически и ландшафтно надежных границ с Ираном и Турцией, а также с защитой новоприобретенных земель от внешних и внутренних опасностей». Докладчик подчеркнул, что «у Дубровина подобный императив не вызывает ни малейшего сомнения, поэтому он не видит смысла в подробном анализе обстоятельств, морально оправдывающих войны России на Кавказе, с кем бы она их ни вела — с шахом, султаном, северокавказскими горцами или закавказскими ханами. Историк убежден, что Кавказ, как уникальная геостратегическая позиция, принципиально не мог оставаться вне сферы власти той или иной великой державы».

Для Н. Ф. Дубровина, по мнению докладчика, Кавказ — это не субъект, а объект международной политики, и в таком качестве он являлся ареной исторической борьбы между внешними силами. События решающей фазы этой борьбы (последняя четверть XVIII в. — первая треть XIX в.) составляют огромную часть труда Дубровина. Раскрывая причины, объясняющие конечную победу России, ученый обращается не только к сугубо военным факторам, но и к политическим, дипломатическим, конфессиональным, культурным, психологическим.

В заключении своего выступления В. В. Дегоев отметил, что «История...» Дубровина — это «прекрасная учеба для современных специалистов-кавказоведов, в ходе которой они могут овладеть искусством размежевания исторической реальности и своего отношения к ней».

По итогам доклада состоялась оживленная дискуссия, в которой приняли участие сотрудники МГИМО, МГУ им. М. В. Ломоносова, ИМЭМО РАН, Института востоковедения РАН, других московских научных центров.

* * *

22 декабря 2017 г. в Институте востоковедения РАН состоялось 26-е заседание семинара — «О некоторых мифах средневековой истории Северо-Западного Кавказа». На нем с отдельными докладами выступили Виктор Николаевич Чхаидзе и Инга Александровна Дружинина, представляющие Институт археологии РАН.

На основе собранного за последние десятилетия богатого археологического материала докладчики продемонстрировали несостоятельность существующего в современной кавказоведческой историографии утверждения о линейности, своего рода гомогенности процесса этногенеза адыгов на Северо-Западном Кавказе. Анализ собранного археологического материала ясно показывает, что в течение тысячелетий границы территории расселения адыгов неоднократно изменялись, как в сторону сужения, так и в сторону расширения. Другой важный вывод докладчиков — материальная культура адыгов не была неизменной на протяжении веков. В археологических культурах, носителями которых, как полагают историки, являлись адыги, постоянно наблюдались трансформации, заимствования отдельных элементов из других археологических культур. Особенно ярко это видно при анализе эволюции погребальных обрядов. В целом докладчики убедительно показали, что процесс этногенеза адыгов был гораздо сложнее, богаче и интереснее, чем то, как это описывают адепты северокавказской *folk history*.

* * *

В 2018 г. на заседаниях семинара планируется обсудить такие темы, как Кавказ в 1918 г. (к 100-летию независимости закавказских республик); причины и последствия т. н. Шамхорской резни; российско-грузинские отношения на современном этапе; социально-политическая ситуация в Абхазии и Южной Осетии и перспективы их развития; Кавказ и Балканы во второй половине XIX в. — начале XX в.; внутривосточная ситуация в Армении и др.

Оргкомитет намерен по мере готовности публиковать доклады экспертов на страницах журнала.

М. А. Волхонский, В. М. Муханов, А. А. Ярлыкапов

Перечень материалов, опубликованных в «Международной аналитике» 2017 г.

№ 1

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА: ФАКТОРЫ ИНТЕГРАЦИИ И ДЕЗИНТЕГРАЦИИ

С. И. Чернявский

Евразийский экономический союз — реалии текущей ситуации.

В. Я. Воробьев

Россия и Китай — дружеское партнёрство.

Е. С. Алексеенкова

Сравнительный анализ деятельности созданных в Центральной Азии форматов «5+1» (с участием США, Южной Кореи, Японии и ЕС).

Ю. Н. Зинин

Берберский фактор в Северной Африке: некоторые аспекты.

Ю. С. Кудряшова

Курдский вопрос на фоне войны в Сирии.

МОДЕЛИ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

В. Ф. Артюшкин, П. Б. Паршин

Подходы Индии к обеспечению энергобезопасности.

ИСТОРИЧЕСКИЕ РАКУРСЫ

М. А. Волхонский

Роль специальных классов Лазаревского института в развитии «практического востоковедения» в России во второй половине XIX — начале XX вв.

В. М. Муханов

Советизация Армении в 1920 г. и Серго Орджоникидзе.

А. В. Крылов

Еврейские экстремистские и террористические организации в Израиле.

М. Share

Trump, Russia, and China: The First 100 Days.

IN MEMORIAM

Виталий Яковлевич Воробьев (1944—2017).